

Если бы учителя потрудились посмотреть на него во время урока, то обнаружили бы, что он занимается весьма любопытным делом, даже для малолетнего преступника, которые, как правило, любят делать явно странные вещи. Гарри Поттер изучал японский язык.

Даже Гарри не был уверен, что это то, что он просто обязан сделать, но в его голове засела очень смутная мысль, что это будет полезно, хотя бы для того, чтобы получить представление о стране, где зародились ниндзя. Он также говорил себе, что владение вторым языком - полезный навык. Если уж на то пошло, он мог бы найти работу переводчика, даже если бы в списке возможных будущих профессий она стояла где-то ниже политика. В этом списке не было ни одного ребенка-супергероя.

Конечно, изучение иностранного языка, который мало кто из жителей Британских островов использовал на постоянной основе, было не единственным занятием Гарри. Он также проводил много времени, пытаясь улучшить свое гэндзюцу. Не то чтобы иллюзии, которые он создавал, были какими-то несостоятельными. Просто, по его собственным словам, на их создание "уходило чертовски много времени". Проблема была несколько любопытной. Гарри был весьма искусен в использовании ручных печатей. Он понимал, как та или иная печать влияет на выработку чакры. Однако, как он заметил, ручные печати имели тенденцию оказывать более выраженный эффект в определенных "цепочках", которые, если на них сосредоточиться, резко повышали скорость формирования и строгость "границ" его матриц чакры. Это, в свою очередь, означало, что все его разнообразные иллюзии, отличавшиеся сложностью представления различным органам чувств, имели свои собственные "ручные печати", которые были вполне фиксированными, даже если он о них не знал.

Ручные печати в гэндзюцу использовались для того, чтобы влиять на количество и силу чакры, используемой для манипулирования каждым конкретным чувством. С практикой и инстинктом можно было устранить эти различные "этапы" в построении гэндзюцу и напрямую применять матрицу к цели, не создавая ее изнутри - с помощью ручных печатей. Гарри же разрабатывал всю область гэндзюцу с нуля. Его ручные печати оказывали очень незначительное влияние на матрицы по отдельности из-за отсутствия предварительных инструкций, которые могли бы уменьшить его зависимость от жалких экспериментов. Его излюбленная тактика - нанести родинку на лицо тети - потребовала двадцать семь ручных печатей, чтобы материализоваться. Для поджога Вернона требовалось чуть больше сотни.

Это было все равно что изобретать муку, чтобы потом изобрести пирог. Конечно, насколько он сейчас продвинулся, для иллюзии родинки на том же уровне не нужны были знаки рук, а для огня - 6, что и дало результаты экспериментов. Но на данный момент это была не самая полезная в бою способность. С другой стороны, он мог бы убедить Вернона раздеться догола, если бы захотел, за пять минут, как только разберется с необходимой цепочкой иллюзий. Он надеялся, что, поскольку его чакра была направлена только на иллюзорные искусства, он разовьет навык избегать ручных печатей и использовать вместо них точки фокусировки, как это мог бы делать потенциальный эксперт. Однако он знал, что даже если он овладеет этим искусством в совершенстве, то для использования иллюзий ему понадобится, как минимум, печать тарана. Просто вряд ли он сможет использовать кончик пальца или контакт глаз с глазами для создания иллюзий. Он не был Учихой Итачи. А что касается материала, то после того, что с ним сделали Дурсли, и последовавших за этим кошмаров, ему не нужно было искать материал, чтобы использовать его на своих жертвах.

Конечно, когда он понял, что для элементарного ниндзюцу, а именно его элементарной части, ему придется проходить весь процесс заново, у него чуть не случился приступ конфуза. Воистину, жизнь шиноби была сопряжена с опасностями. Не говоря уже о том, что он понятия не имел, как именно сможет продвинуться в фуиндзюцу. Гарри Поттер снова закричал в

душевной агонии при мысли о том, на какую интеллектуальную авантюру он себя обрекает.

XXX

Сможет ли он убить своих родственников? Этот вопрос неожиданно посетил Гарри, когда он прочитал примечание, в котором говорилось о другом значении японского эквивалента числа четыре. Ведь "ши" также означает смерть. Смерть - довольно весомое понятие. Это была легкая мысль, высказанная почти таким же обыденным тоном, как случайная мысль об обоях или цвете неба. Это было слишком обыденно, чтобы беспокоиться об этом. Гарри перекатывал слово во рту, с приглушённым восхищением наблюдая, как оно, казалось, теряет всякий смысл, превращаясь в слоги, такие же бессмысленные для него, как звук чьего-то храпа. Это, откровенно говоря, настораживало. Долгое время это слово, а также еще одно, а именно другое, казалось, определяли его существование и будущее.

<http://tl.rulate.ru/book/101023/3624050>